

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

В.А. Кудрявцев, канд. филос. наук, доц. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ДУХОВНО-ЦЕННОСТНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЛАСТИ И ПРАВОСОЗНАНИЯ В РОССИИ

В статье анализируются теоретические подходы русских социальных ученых-классиков к метафизическим и правовым основам власти. Их теоретическое наследие, и ныне лежащее мертвым грузом, может послужить выработке стратегии власти в современной России и при формировании у граждан правосознания.

Ключевые слова: *власть, верховная власть, метафизика, секуляризация, право, правосознание, религиозное мышление, моральные нормы.*

The article analyzes the theoretical approaches of Russian classic social scientists towards the metaphysical and legal foundations of power. Basic principles of these approaches were laid by Russian philosophers and sociologists of an epoch of Russian Silver age and post-revolutionary emigration. Their theoretical heritage, no in response, can serve as a major contribution in the development of a theory of power strategy in modern Russia and in the formation at citizens of a true and sustainable legal consciousness among citizens.

Key words: *power, supreme authority, metaphysics, secularization, law, legal consciousness, religious thinking, moral norms.*

В вопросе качества, организации и стратегии современной власти в России неопределимую услугу могут оказать теоретические разработки русских философов и социологов-классиков конца XIX — первой половины XX в. К сожалению, их обширное наследие до сей поры интересует лишь крайне ограниченный круг специалистов. Такое упорное игнорирование известных русских мыслителей, их серьезнейших наработок в области государства, права и социальной политики было распространено в советской России и сохраняется в России постсоветской. Очевидный факт нашего исторического, духовного и теоретического беспамятства можно сколько угодно объяснять и оправдывать, но совершенно невозможно понять.

У историка социальной мысли, воспитанного на русской религиозной философской и социолого-нормативной российской традиции, вызывает сомнение вопрос качества, целей и потенциальных возможностей постсоветской власти, т.е. степени ее соотнесенности

* Кудрявцев Владимир Александрович, e-mail: vladikudr@mail.ru

с национально-культурными традициями и религиозно-метафизическими корнями России. В силу факта векового искажения российской истории самой, пожалуй, актуальной научной и образовательной задачей является очищение образа прошлого от чрезмерно идеологических его толкований и искажений, — как марксистско-ленинских, так и либерально-буржуазных. На наш взгляд, эту проблему можно разрешить, поняв традиционное отношение русского человека к власти.

Христианство не признает за человеком обязанности слепого и бездумного повиновения земной власти. В Евангелии прямо говорится о государстве как о “кесаревой” сфере компетенции, которой каждый гражданин должен отдавать дань в виде смирения, лояльности, служения, налогов и т.п. Однако там же говорится и о невозможности смещения Бога и кесаря в сознании человека, ибо это всегда, по мнению С. Булгакова, чревато проектами “языческой лжетеократии” либо клерикального “христианского государства”. И здесь, избегая неверного отношения к земной власти вообще, нужно освободиться от непреднамеренного желания встроить нынешнюю российскую секулярную власть в традиционный христианский государственный идеал. Нужно признаться, что, в отличие от эпохи Средневековья, современная светская власть нигде в “цивилизованном мире” не выдвигает не только запредельных, но и вообще внятных духовных целей. Ясно, что никакой метафизики власти в секулярно-демократической парадигме быть не может, и это целиком переориентирует человека на слишком низкие смыслы и цели земного благополучия и стабильности. Именно отсутствие у власти духовной стратегемы развития, духовная недостаточность провозглашаемых ею чисто материальных целей и идейная бессодержательность конкретной политики лишают человека того исторического напряжения, которым он во все времена был движим.

Корректно ли сегодня, в период тотальной секуляризации, требовать от верховной власти чего-то такого, что бесконечно превосходит ее духовно-мировоззренческие возможности? Этот вопрос звучал бы “ненаучно”, если бы мы не наблюдали, как Россия все больше втягивается в метафизическую пустоту целей, поставленных мировой политикой, что конкретно выражается и в нашем повседневном опыте, и в ужасающей статистике. Поэтому сама история сегодня выдвигает перед властью задачу одухотворения страны высокой целью и осязаемого “решительного движения по направлению к идеалу” (Ф.М. Достоевский). Своим “духовным неделанием” верховная власть культивирует в обществе идейную пустоту и растерянность, хотя граждане крайне нуждаются в идеях и целях, связывая свои надежды на сохранение России как территориальной, геополитической, цивилизационной и социокультурной целостно-

сти именно с властью. Из этого современного метафизического “ничто” рождается в людях тоска по “сильной руке” как по гаранту безопасности и справедливости.

Сегодня, в век критического сжатия, информационной уязвимости и “подручности” мира, глобальная секуляризация общества и власти непомерно быстро продолжает расти вглубь и вширь. Сами носители власти как невольные (или явные) проводники идей “прогресса цивилизации” объективно становятся выразителями “секулярной религии человекобожия” (С. Булгаков). Они как легитимные, т.е. законно избранные “народом” выразители духа эпохи, не связаны больше живой связью ни с запредельным идеалом общественного устройства, ни с гражданами государства. Граждане отвечают властным элитам недоверием и внутренним неприятием. Сегодня над цивилизованным миром целиком властвует система “политического гуманизма” (С. Булгаков) и соответствующее ему исключительно утилитарное, карьерное, прикладное понимание власти как в верхах”, так и в “низах”. Утилитаризм и конформизм граждан, накладываясь на недоверие последних к любой власти, фактически устраняют из общества идею служения и заменяют ее приспособлением и “всеобщей почти продажностью чиновников” (И. Ильин). Коррупция стала уже системным элементом экономики, поэтому можно говорить о бессмысленности борьбы с ней у нас в стране.

Результатом внутренней диалектической связи “власти” и “народа” ныне как раз и является так называемое “правовое государство”. Сам по себе этот договорный процесс между властью и обществом закономерен и не несет в себе ничего отрицательного. Однако все это верно только в том случае, если по мере укрепления секулярного мировоззрения из правосознания элит не улетучивается подлинное христианское (“верноподданническое”) мироощущение, оставляя после себя лишь шлейф голого юридического формализма с присущим ему цинизмом и произволом.

Абсолютно секулярное “правосознание” современных политиков не следует смешивать с так называемым “монархическим правосознанием” в его идеальном и историческом значении: основной обязанностью царя, по мнению И. Ильина, является долг внутреннего духовного “делания” и самовоспитания, на основании чего только и возможно искать и строить в себе праведное и сильное правосознание. Так, духовная вертикаль как устремленность к Смыслу формирует социальную горизонталь, наполняя ее моральными качествами, идущими сверху, от самой верховной власти. В современных условиях политик просто вынужден жить и мыслить категориями современных гуманистических ценностей. Поэтому он логично считает право исключительно человеческим, обществен-

но-историческим договорным и к тому же очень шатким порождением, а не следствием формализации закона морального, вложенного Богом в душу человека. Все это определяет эксцентричность формально-юридической конструкции в России, что вкупе с плачевным состоянием правосознания в российском обществе предстает как массово проявляющиеся закономерные следствия “потускнения религиозно-нравственных идеалов” (Л. Тихомиров).

В таких условиях становятся понятными главные причины российской исторической драмы. Понятно также, с чего нужно было бы начинать реформы и в каком направлении двигаться. Для лидера государства как в первую очередь “нравственного лица” (Б. Чичерин), пытающегося человеческими, законотворческими и административными средствами бороться с духовной разрухой, не должно стать откровением, что объективно Россия вместе с “мировым сообществом”, двигаясь к ложным и метафизически пустым целям, культивирует в рамках цивилизационной парадигмы все больший отход мира от христианских ценностей и целей жизни и таким образом учреждает свой, рукотворный, человекобожеский строй — мир булгаковского “политического гуманизма”.

Российская ситуация крайне сложна и требует постановки перед политическими элитами адекватных этой сложности задач. Однако сегодня явно не хватает “людей первого ранга” (И. Ильин). Русская мысль давно отметила вечные проблему и парадокс демократии: “При господстве большинства верховная власть неизбежно принадлежит наименее способной части общества”¹. Оттого, по Л. Тихомирову, организация качественной демократической власти в современных условиях — это при той системе, благодаря которой сегодня люди попадают во власть, почти неразрешимая задача. “И на власти, — констатирует С. Булгаков, — тяготеет проклятие, как и на земле, и человечеству в поте лица приходится нести тяготу исторической власти со всеми ее скорпионами”².

Современная Россия вполне и давно включена в мировой секулярный проект, успешно и ускоренно внедряемый в российское общественное сознание и в представляющую его власть. Духовная незрячесть, отказ от своих религиозно-национальных корней, космополитизация, мондиализация, вестернизация, постхристианизация сознания — вот то духовно-ценностное поле, на котором разыгрывается нынешний акт исторической драмы.

В этих условиях “Realpolitik” нынешней верховной российской власти, ее видение целей и задач России в сложнейших международных условиях, учет средств и воплощение этого видения на практике потому и понятны обыкновенному российскому человеку,

¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1994. С. 434.

² Булгаков С.Н. Свет Невечерний. М., 1994. С. 341.

что правительство, как представляется, достаточно объективно и адекватно оценивает реальную ситуацию в стране и в мире, ставит перед собой и перед Россией реально достижимые в условиях духовного, государственного, научного, военного и экономического развала цели. В то же время наша верховная власть как власть юристов закономерно не обладает иным, традиционным и исторически выраженным, метафизически ориентированным пониманием предельных целей России. Следуя логике секуляризации, она все больше становится столь же приземленной, скованной, прагматичной, конкретно и финансово мыслящей, как и власть на Западе. Она вполне соответствует ментальности и типу восприятия “Homo postsoveticus” как смеси советизма и “западнизма” (А. Зиновьев) — двух одинаково секулярных, сугубо материально и потребительски ориентированных типов мирознания. Они разошлись и стали врагами только в методах, но не в глобальных целях. Либеральное мышление — это острее постсоветского, полуинтеллигентского, исключительно светского восприятия жизни. Кроме того, российский либерал отмечен кайновой печатью стыда перед “мировым сообществом” за свое несчастье быть рожденным в СССР. Отсюда все наши стремления во что бы то ни стало прилично выглядеть перед Западом.

На языке Кантовой практической философии можно констатировать: российская власть мыслит и действует пока только в категориях “сущего” (а попросту сказать — насущного, “хлеба единого”). Стоит ли вообще предъявлять ей требования метафизического плана, требования выдвигания идеала как “должного”, т.е. того, что должно было бы иррационально подвигать власть к высшим целям бытия, а не довольствоваться только наличным, трансцендентно и морально ничтожным “сущим”?

Нужно согласиться, что на своем уровне власть, пытающаяся воплотить в жизнь принципы неукоснительного соблюдения гражданами законов, движется в верном направлении. При этом власть вряд ли осознает, что видимый мир в его связи с миром потусторонним, трансцендентным, устроен так, что даже на социальном уровне земного, посюстороннего существования сквозь общественную мораль и государственное право проступает метафизика целей совместного бытия людей. Вот как ставит задачу перед современной властью юрист и социолог Б. Кистяковский: “...над властью все более приобретает господство правовая идея, идея должного. Чтобы существовать и быть признаваемой, власть должна себя оправдать. Для современного культурного человека еще недостаточно того, что власть существует... необходима, полезна и целесообразна. Только если власть способствует тому, что должно быть, только если она ведет к господству идеи права, только тогда мы

можем оправдать ее существование... Лица, облеченные властью в правовом государстве, подчинены правовым нормам одинаково с лицами, не имеющими власти... Власть является для них не столько их субъективным правом, сколько их правовой обязанностью. Эту обязанность они должны нести, осуществляя функции власти как известное общественное служение»³. Постсоветскую власть, вряд ли задумывавшуюся о метафизических корнях права, нельзя упрекнуть в отсутствии чувства ответственности перед страной: напротив, ей известно, что такое служение. Кроме того, как юридическая по составу и по образованию и западническая по духовной интенции, верховная власть отлично понимает важность насаждения правопорядка, т.е. воплощения в общественном сознании «идеи права». Стало быть, власть в России все-таки движима идеей служения «должному», хотя исключительно в низшей сфере — сфере закона.

Глядя на вещи исторически, можно уверенно констатировать, что для России только *этого*, юридически-правового, понимания «должного», каким бы важным оно ни было для организации жизни общества, во все времена было недостаточно. А.Л. Доброхотов подмечает: «Для русской культуры характерно отсутствие безусловных четких границ между миром творческих порывов... и миром реальным. Западноевропейская культура, напротив, умеет защищать реальный мир, мир трезвой середины и повседневного здравого смысла, от вторжения идей и аффектов. Та опасная непосредственность, с которой идеи врываются в действительную историю России, делает ее в некотором смысле «метафизической»... К числу наиболее характерных особенностей русского менталитета, пожалуй, относится так называемое «неприятие мира», то есть отказ от оправдания мирового порядка и истории в рамках самого этого посюстороннего мира. <...> Объединяющим чувством было ощущение метафизической неполноценности и моральной несостоятельности этого мира... Русское политическое сознание отличается также пренебрежением к формально-юридической стороне социальной жизни, и это — одна из самых устойчивых его черт вплоть до сегодняшних дней. Негативная реакция на попытки установить формальные гарантии прав была столь же сильной в «низах», как и в «верхах», что говорит о каких-то серьезных основаниях этого сопротивления»⁴.

Метафизическая константа нашего национального менталитета, «сопротивляющаяся» господству права и формализации жизни, отлично просматривается как в «верхах» в смысле игнорирования

³ Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 282.

⁴ Доброхотов А.Л. Комментарии // Метафизика власти в русской мысли: Хрестоматия. М., 2001. С. 518–519.

и попрания закона, так и в “низах” в ситуации тотальной безответственности людей. Поэтому декларативность намерений власти и ее нежелание вводить принципы правосознания на всех социальных уровнях без исключения хорошо осознается “низами”. “Нечувствие позывов запредельного” для верховного правителя России всегда являлось существенным духовным изъяном, резко приносящим потолок его государственно-философского понимания стратегических целей и создававшим в стране атмосферу пренебрежения к закону.

Историческая, христианская Русь была движима высокой сверхидеей, не имевшей, конечно, ничего общего с ныне провозглашаемыми “высшими целями” и проектами — “модернизацией”, “созданием вертикали власти и стабильной политической, правовой и административной системы”, “ростом благосостояния граждан”. Эта сугубо социальная, земная, т.е. материальная, область существования человека всегда считалась на Руси лишь отголоском и тенью чего-то истинного, подлинного, вечного. В реальной жизни исторической России в лучшие ее времена действовал морально-религиозный закон: чем выше общественный идеал, чем более очевидна “народу” тяга власти к этому идеалу, тем активнее в людях движение по направлению к нему. Как следствие — улучшение духовно-нравственной атмосферы в обществе: непосредственнее, доброжелательнее, сострадательнее становились отношения между людьми, сознательнее, преданнее их служение власти, человеку, обществу, идее, церкви, Богу.

Итак, религиозно оправданное “должное”, особенно когда к нему устремлена сама верховная власть, порождает во множестве нормальных людей устойчивое чувство долга. Только ставя перед народом высокие идеальные цели и создавая нравственное напряжение в обществе, можно наполнить правосознание граждан моральным содержанием и тем самым сделать закон гораздо более действенным. Словно в противовес этому, невразумительная политика государства именно в духовной и нравственной области, которую можно рассматривать как нравственно-мировоззренческое бездействие, особенно в сфере культуры, воспитания и образования, подтверждает несомненный факт внерелигиозности, аметафизичности, моральной вялости и бессодержательности власти.

Итак, каковы главные цели, задачи и ценности, таковы и нравы во власти и обществе, потому что религиозная, деятельная, а не декларативная вера с необходимостью предполагает соблюдение проецируемых ею на социальный план бытия моральных принципов как человеческого оформления Божьих заповедей, а не как простого, публичного соблюдения выдуманных светскими людьми приличий.

В России в наибольшей степени проявляет себя на практике та философская истина, что ничто конечное и относительное не устоит, опираясь только на себя: оно всегда ищет оправдания и устойчивости в абсолютном. Эта тяга к запредельному, которой лишены нынешние российские политики-технократы, эта попытка построения на земле “теократии” как высшего оправдания перед Богом за свое грешное правление еще со времен Сократа и Платона (а в России — Ф.М. Достоевского с его “растворением государства в Церкви” и Вл.С. Соловьева с его “свободной теократией”) были главными и определяли ментальность христианского мыслителя и правителя России. Инерционная мощь тысячелетнего русского христианства была столь велика, что даже богоборцы-большевики, внешне разрушив веру в Бога и загнав церковь на глубокую периферию общественной жизни, при помощи “метафизического воровства” (С. Булгаков) создали паразитарную по сути и религиозную по форме коммунистическую идеологию. Большевики перенесли “Абсолютное” из потустороннего мира в “светлое будущее всего человечества”, что наряду с жесточайшим террором дало им возможность на протяжении трех четвертей века консолидировать “эрзац-веру” народа, напрягать (и серьезно надломить) силы нации и какое-то время удерживаться у власти.

Постсоветская российская власть — дитя своего времени: осуществляя административные и прочие реформы, строя “правовое государство”, она в лучшем случае пытается учредить обмирщенную государственность, объективно выражает собой, как говорит С. Булгаков, “отрицательное откровение о власти”, понимая и принимая последнюю лишь как негативную, в библейском смысле — “падшую” реальность, фиксируя ее такой, какова она есть сама по себе, без Бога. Строго говоря, власть идет в русле спровоцированной когда-то католичеством западной секулярной традиции и наперекор инерционной исторической волне России, волне, в последние времена все чаще и больше затухающей. Хочется верить, что власть искренна в своих “централизованных” начинаниях и ей наконец удастся перенести латинскую государственную модель на российскую почву с благой целью сохранения нашего национального тела. Однако как предупреждал И. Ильин, “не всякую Россию любить можно”. И еще не факт, что так называемые “реформы” не станут рычагом эксплуатации граждан ради религиозно полых, по-советски бессмысленных целей, т.е. воплощением голого, утилитарного расчета власти, что будет только способствовать дальнейшему духовному оскудению нации, ожесточению людей и подмене исторической России абсолютно чужеродным ей образованием. Во всяком случае, нынешнюю власть очень трудно заподозрить в христианско-метафизической ориентации воли и мышления, т.е.

в личной религиозно-нравственной мотивации, а значит, и в подлинном стремлении к социальной справедливости.

Так “должное” подменяется “сущим”. “Сущее” в силу оскудения религиозного чувства неправоммерно встает на место “должного”, за пределами, Божественного.

Многие наши авторитетные мыслители утверждали, что для того, чтобы быть признанной, власть должна себя оправдать. Для этого необходимо особого рода внутреннее духовное делание, которое должно “придать правителю необходимые ему свойства” (И. Ильин). Это делание для верховного руководителя страны является условием учреждения в государстве “правды”, к которой всегда был устремлен русский народ и на которой, по мнению К.П. Победоносцева, “основана по идее всякая власть”.

Упор на моральной стороне работы власти вытекает из того, что сама по себе идея “порядка”, его создания и поддержания силами “правового государства” с христианской точки зрения не является главной целью и может быть оправдана только в том случае, если «власть получает задачу придать порядку нравственный характер, сделать его орудием осуществления “правды”»⁵. Роль власти здесь очень велика, поскольку “ее побегі наполняют все зарождающееся общество”⁶. Здесь очевидно действие законов диалектики: каковы духовные “побеги” власти, таково во многом и будет наше зарождающееся постсоветское общество; какова метафизическая пассионарность народа, такова мера нравственного ограничения, налагаемого на нынешнюю светскую власть.

Для русской философской и политической мысли всегда было ясно, что государство “крепко стоит тем”, что опирается на внутренние духовные условия своего существования. Нашему религиозно нейтральному современнику не вполне ясно, что не сбиться с пути и верно осуществить духовный рост возможно только внутри Церкви. Однако это дело глубоко личное, персональное, и его нельзя целиком переносить на общегосударственный уровень. С.Л. Франк предупреждает: “Немыслима государственная организация веры, мысли, мировоззрения; где ее пытаются осуществить, там возникает кощунственная и бессильная попытка органическое заменить механическим”⁷. Факт насаждения “казенного православия” в дореволюционной России с последующим крахом в 1917 г. ясно доказывает правильность этого положения. При этом С.Л. Франк ставит пределы государству, полагая, что “...планомерная организационная деятельность не может ставить себе положительных за-

⁵ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1994. С. 17.

⁶ Там же. С. 18.

⁷ Франк С.Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию // Русское зарубежье: из истории социальной мысли. Л., 1991. С. 426.

дач содействия духовному росту общества, а должна состоять в том, что — в силу всеединства духовно-общественного бытия — всякая организация есть именно организация свободы, планомерное формирование свободного спонтанного сотрудничества”⁸. Тем самым на государство налагается обязанность создания необходимых для духовного роста условий с целью творческого сотрудничества личных “свобод”. У нас же ныне налицо явный информационный перекося в сторону сугубо светских ценностей: все походя болтают о религии, а руководствуются в жизни совсем другими, противоположными, а порою и враждебными христианству принципами. Каждому здравомыслящему человеку ясно, что нынешняя власть не ударила палец о палец в организации “свободного сотрудничества”, если не считать разгула ничем не ограниченного своеволия активной и слишком гибкой морально категории граждан.

В отличие от государства, “...церковная власть, — полагает Б. Чичерин, — имеет высшее нравственное значение; она повелевает во имя религиозно-нравственного закона. Но сама по себе она имеет силу принуждения только нравственного, а не материального”⁹. Моральная власть христианской Церкви в традиционном обществе столь велика, что Е.Н. Трубецкой, предчувствуя катастрофу 1917 г., за девять лет до нее писал: “Только сила нравственная, духовная может положить предел всеобщему разложению, резне, грабежу, анархии общественной и анархии правительственной. Христианство — та единая и единственная сила, перед которой у нас склоняются народные массы; *иной у нас нет*. И если русская демократия не определится как демократия христианская, то Россия погибнет бесповоротно и окончательно”¹⁰. Эту мысль Е.Н. Трубецкого, экзистенциально глубоко пережившего трагедию России и окончившего жизнь в Крыму в состоянии полной национальной обреченности, вполне можно считать духовным завещанием русской религиозно-философской мысли нынешней российской власти.

При всей нынешней, крайне шаткой стабильности, при давней подверженности сильному влиянию Запада нашего верхнего культурного слоя, быстро ассимилирующего идеи “мира гуманизма и прогресса”, в том числе и демократическую модель государства, хорошо бы прислушаться к словам самого популярного и влиятельного на Западе в XX в. философа Н. Бердяева: “Западники были неправы потому, что они отрицали своеобразие русского народа и русской истории, держались упрощенных взглядов на прогресс просвещения и цивилизации, не видели никакой миссии

⁸ Там же. С. 426.

⁹ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1894. С. 60.

¹⁰ Трубецкой Е.Н. Всеобщее, прямое, тайное, равное // Новый мир. 1990. № 7. С. 200.

России, кроме необходимости догнать Запад”¹¹. Возникает вопрос: что изменилось в их менталитете за 70 лет, прошедшие с момента написания Н. Бердяевым этих слов?

Продолжающийся западнический слом и зажим национальных традиций всегда и везде чреват жестким сопротивлением. Объективно поощряя и культивируя “общечеловеческие ценности”, а вместе с ними создавая условия для окончательного мировоззренческого и экономического закабаления России и ее граждан, в самом зародыше подавляя здоровые ростки национальной самобытности, именно власти в первую очередь несут ответственность за “уродливые проявления” “очень русского” национализма — “скинхедов”, “фашистов”, национал-большевиков-лимоновцев, радикалов-жириновцев и т.п. Даже неискушенному в политике человеку очевидно западное происхождение всех этих марионеточных движений, равно как и отсутствие работы власти по их устранению посредством развития подлинно национальных форм проявления духа народа.

Углубляется и расширяется вестернизация массового сознания, а власти, по сути, игнорируют позитивный, православно-культурный национализм, возможно, из чувства “лапотного стыда” наши интеллигенты-варвары не пропагандируют (если не считать крайне сомнительных, однобоких и часто извращенных толкований) классиков русской литературы, философии и искусства. Элиты и их продвинутые прозападные дети столь космополитически, антитрадиционно образованы и воспитаны, что вовсе не интересуются своей великой культурой и без разбора тянутся ко всему заморскому.

Однако, как утверждает П.Б. Струве, идущий процесс тотальной рационализации жизни вряд ли поглотит собой “мистику национальности”. “К государству и национальности, — пишет он, — прикрепляется неискоренимая религиозная потребность человека”¹². Трехединая метафизика — религии, нации и государства — неискоренима в человеческой душе и определяет собой весь спектр существования личности. Стало быть, просвещенческому укреплению трех этих исходных интуиций человека государство должно придавать первоочередное значение. Однако, в сущности, вся система российского образования, воспитания и культуры арелигиозна, вненациональна и внегражданственна, т.е. антигосударственна. Во всех этих самых главных для государства сферах жизнедеятельности совсем не видно нравственных “побегов” ни одной из трех ветвей власти. Если люди, составляющие верховную власть, как профессиональные юристы полагают, что чувство безродной и безликой гражданственности “россиян” можно выпестовать одним только

¹¹ Бердяев Н.А. Русская идея. Париж, 1971. С. 150.

¹² Струве П.Б. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 69.

устранением царящего в стране правового нигилизма, то это лишний раз подтверждает тезис об отсутствии в недрах власти людей с достаточной религиозной и национальной чувствительностью: они, по-видимому, и опираются на сугубо светские, внешние принципы воспитания и исполнения закона.

Итак, в тяжелейших геополитических, экономических, нравственно-правовых, демографических условиях, в которых оказалась современная Россия, в сфере воспитания молодого поколения, в области духовного образования, в культурной, национальной и информационной политике власти остаются религиозно, а значит, и нравственно нейтральными (политкорректными). В работе “Свет невечерний” С.Н. Булгаков дал вполне современную, универсальную, христианскую формулу внутреннего отношения к ныне происходящему: «[Налицо] внешняя победа “секуляризации”, “правового государства” с его человеческой честностью, искренно охраняющей “благо народа” и его свободу. Но именно эта атмосфера воинствующего народобожия, царства от мира сего, заставляет духовно задыхаться тех, кто лелеет в душе религиозный идеал власти и не хочет поклониться “зверю”, принять его “начертание”. Можно и должно сохранять лояльность, терпеть хотя и немилую государственность, даже высоко ценить ее практические достоинства, видя в ней относительное житейское благо или хотя меньшее зло, чем обветшавшая и изолгавшаяся власть старого фасона. Но любить эту власть, ощущать к ней религиозный эрос можно, лишь принимая участие в культе демократического Калибана, “принося жертвы зверю”. Следует принимать государственность, сведенную к политическому утилитаризму, так же, как и бремя хозяйственных забот: признавая честность этого труда, аскетически нести его как жизненное “послушание”; однако “честность”, корректность, есть лишь религиозно-этический минимум, между тем как религия во всех делах хочет максимума... Это разросшееся и дифференцировавшееся тело власти есть тоже “земля проклятия”... “Правовое государство” с его правовыми гарантиями, со всей своей земной мудростью и человечески-относительной правдой, не угасит тоски об *ином* царстве, не только холодного права, но и любви, об *иной* власти — теократической. Но, конечно, вопрос этот имеет смысл только в Церкви, и речь идет здесь не о политике в обычном смысле слова, а именно о религиозном преодолении “политики”, о том *преображении* власти, которая и будет новозаветным о ней откровением»¹³.

Что же касается власти и ее современной политики, то наряду со стремлением к “правосознанию” следует понимать и другое,

¹³ Булгаков С.Н. Свет невечерний. С. 344.

главное, — то, что имел в виду И. Ильин: «Напрасно думать, что какое-нибудь очередное политическое задание может быть воистину разрешено вне утверждения духовно верной формы жизни: вне ее всякое “разрешение” будет мнимым — или условною отсрочкою, или источником новых бед. Спасение в одном: *форма духа* должна установить акт правосознания, содержание права и строение политической власти. Правовая и политическая жизнь должна быть верна своим глубоким, последним корням, а эти корни имеют духовную природу»¹⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев Н.А.* Русская идея. Париж, 1971. (*Berdjaev N.A.* Russkaja ideja. Parizh, 1971.)
- Бондаренко И.А.* Метафизика человеческой жизни // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. II. Спец. вып. (*Bondarenko I.A.* Metafizika chelovecheskoj zhizni // Lichnost'. Kul'tura. Obschestvo. 2000. T. II. Spec. vyp.)
- Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990. (*Bulgakov S.N.* Filosofija hozjajstva. M., 1990.)
- Булгаков С.Н.* Свет не вечерний. М., 1994. (*Bulgakov S.N.* Svet nevechernij. M., 1994.)
- Доброхотов А.Л.* Комментарии // Метафизика власти в русской мысли: Хрестоматия. М., 2001. (*Dobrohotov A.L.* Kommentarii // Metafizika vlasti v russoj mysli: Hrestomatija. M., 2001.)
- Зиновьев А.А.* Запад. Феномен западнизма. М., 1995. (*Zinov'ev A.A.* Zapad. Fenomen zapadnizma. M., 1995.)
- Ильин И.А.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М., 1994. (*Il'in I.A.* Sobr. soch.: V 10 t. T. 4. M., 1994.)
- Кистьяковский Б.А.* Философия и социология права. СПб., 1998. (*Kistjakovskij B.A.* Filosofija i sociologija prava. SPb., 1998.)
- Струве П.Б.* Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. (*Struve P.B.* Politika, kul'tura, religija, socializm. M., 1997.)
- Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. СПб., 1994. (*Tihomirov L.A.* Monarhicheskaja gosudarstvennost'. SPb., 1994.)
- Трубецкой Е.Н.* Всеобщее, прямое, тайное, равное // Новый мир. 1990. № 7. (*Trubeckoj E.N.* Vseobshhee, prjamoje, tajnoje, ravnoje // Novyj mir. 1990. N 7.)
- Франк С.Л.* Духовные основы общества: введение в социальную философию // Русское зарубежье: из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991. (*Frank S.L.* Duhovnye osnovy obshchestva: vvedenie v social'nuju filosofiju // Russkoe zarubezh'e: iz istorii social'noj i pravovoj mysli. L., 1991.)
- Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. М., 1894. (*Chicherin B.N.* Kurs gosudarstvennoj nauki. M., 1894.)

¹⁴ *Ильин И.А.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 545.